

УДК 141.201

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ:
ВОЗМОЖНЫЕ И НЕВОЗМОЖНЫЕ
или Практики работы с образами будущего**

О.А. Донских, С.А. Смирнов

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»

E-mail: olegdonskikh@yandex.ru, smirnoff1955@yandex.ru

Статья посвящена анализу антропологических трендов с точки зрения концептов развития. В статье представлены несколько концептов развития, через призму которых рассматриваются и разные представления о концепте «будущего». В рамках данного разведения вводится метод работы с образами будущего, который в мировой практике получил название форсайта, т.е. практика конструирования образов будущего.

Ключевые слова: антропологические тренды, образы будущего, концепт развития, форсайт.

**ANTHROPOLOGICAL TRENDS:
POSSIBLE AND IMPOSSIBLE
or Practices of work with future images**

O.A. Donskikh, S.A. Smirnov

Novosibirsk State University of Economics and Management

E-mail: olegdonskikh@yandex.ru, smirnoff1955@yandex.ru

The article is analyzing anthropological trends from the point of view of the theories of development. In the article some theories of development are presented, which allow to investigate into different considerations about the theory of «the future». In the frame of these considerations the method of the work with the images of future is proposed in the form of the Foresight as the practice of the construction of future images.

Key words: anthropological trends, images of future, theory of development, Foresight.

Проблема. Гуманитарные науки и практики, как считают специалисты, худо-бедно научились работать с прошлым. Знание как эпистемологическая категория в принципе продукт прошлого опыта. Прошлое можно описать в категориях знаний, концепций, теорий.

Также можно в принципе фиксировать и настоящее как здесь-и-теперь осуществляемый опыт через рефлексивные описания и интерпретации.

Но когда мы начинаем говорить о будущем, здесь мы сталкиваемся с базовой проблемой – знать будущее в принципе невозможно. Что называется – не дано.

Тем более в настоящее время все более ясно осознается неопределенность того движения, которое переживается человечеством. Действительно, с одной стороны, очевидно, что по мере вступления в так называемое информационное общество или общество знания мы все быстрее теряем понимание того, как в рамках национальных государств контролировать экономическую, политическую и социальную ситуацию. С другой стороны,

человек становится планетарным явлением и должен осознавать характер цивилизационного движения, потому что в противном случае он становится угрозой не только для окружающей природы, но и для самого себя.

Кроме того, становится очевидным, что существующие способы предвидения будущего, будучи частными по своей природе, не позволяют выходить на должный (в данном случае – соответствующей масштабу ситуации) уровень понимания.

Тем самым он неизбежно подталкивается к инновационным способам работы с будущим. И здесь мы вынуждены обратиться к форсайту как одной из реально разработанных возможностей работы с образами будущего, отличному от чистого прогноза.

Рамка разговора. Прежде, чем говорить о содержании, необходимо договориться о мировом культурном контексте, на фоне которого будущее может обсуждаться как проблема. И в этой связи необходимо сделать ряд оговорок.

Первое. Проблема будущего должна обсуждаться в контексте цивилизационного перехода, который переживает человечество.

Второе. Это не просто личная проблема. Это рамочная проблема, которая берется как личная и либо человек встраивается в работы по преодолению перехода, либо нет, находясь в позиции наблюдателя и оценщика.

Третье. Проблема будущего возникает как проблема лишь в пределах более широкой рамки – идеи развития. В этой связи надо представить различные концепты развития. Какие-то здесь годятся, а какие-то пора сдавать в утиль.

Четвертое. В зависимости от того, как мы понимаем ситуацию перехода и как мы понимаем идею развития, в зависимости от этого и выстраиваются различные образы будущего.

Пятое. В соответствии с этим мы должны понимать, какие бывают и какие могут быть выстроены практики и техники работы с будущим как с неким особым содержанием.

И на фоне этого должен обсуждаться вопрос онтологический – что мы имеем вообще в виду, когда говорим о будущем? Что есть будущее? Применимо ли онтологическое утверждение – «будущее есть», по той же логике, что «бытие есть» к будущему? Что значит – будущее есть?

И последнее. Так или иначе, встает вопрос о выборе языка. На каком языке можно говорить о будущем? На каком языке, в какой действительности языка можно оценивать и схватывать практики работы с будущим и само будущее? Есть подозрение, что все привычные языковые практики в ситуации перехода по принципу не годятся. Остаются либо нечленораздельное мычание, либо поза умолчания и удивления.

Поэтому коль скоро речь идет о все более динамичных трендах изменения и развития, что мы имеем в виду, говоря про развитие? Какие нарабатываемые концепты в мировой мысли относительно понятия развития?

Концепты развития. Какие мы знаем концепты развития? В каких версиях и конструктах предложено то или иное понимание идеи развития? Точнее, что такое шаг развития? Что такое акт развития? Нам необходимо положить перед собой разные конструкты шага развития и затем посмотреть, как понимается в них то, что мы называем будущим.

Попробуем положить некие типологические конструкты развития, не уходя подробно в имена и научные традиции. Попробуем помыслить по принципу.

Концепт первый. Развитие как становление развитого целого из исходной, генетической клеточки, зерна.

Этот концепт исторически первый. Был разработан и внедрен в парадигмы научных исследований с легкой руки Г.В.Ф. Гегеля, который эту идею взял у И.В. Гете (идея проторастения, прафеномена) [3, 4]. В рамках этого конструкта был разработан метод восхождения от абстрактного к конкретному, на котором учились по следам К. Маркса и группа Э.В. Ильенкова, и группа Г.П. Щедровицкого, и М.К. Мамардашвили. Первым среди них был А.А. Зиновьев. Но все они были учениками Гегеля и Маркса.

Здесь идея развития заложена в самой естественно-научной картине мира. Само понимание идет вслед за развитием природы, которой приписывается это развитие. Допускается, что развитие есть онтологическое качество этой субстанции, природы. В этом смысле самым исходным и самым абстрактным началом является свернутое в зерно целое. Собственно, все метафоры и аналоги развития берутся из самой естественной (первой) природы. Начало, как всякое начало во всяком развитом природном существе имеется в клеточке, в зерне. В нем в свернутом виде скрыты все качества будущего развитого организма, будущего целого.

Тем самым, будущее уже скрыто в этом зерне. И оно уже есть. Оно уже готово. И пребывает в зерне. По отношению к развитому целому оно уже есть в прошлом. Будущее сокрыто в прошлом, только еще не развернулось.

Концепт второй. Развитие как формирование.

Здесь развитие понимается как оформление и формирование, т.е. охватывание некоей готовой формой сырого материала. К примеру, так играет ребенок в песочнице. Он берет формочки, накладывает их на сырой песок и получается зайчик или крокодильчик.

Тогда то, что получается, оживает, принимает живую форму. Сам по себе сырой песок безжизнен, это некая стихия, хаос. А сами по себе формочки также пусты и бессодержательны. В соединении друг с другом они порождают формы жизни. Но формочки уже есть готовые, они хранятся в памяти культуры. Они достаются из архива демиургом, творцом, мастером, который творит мир в своей мастерской.

Эта идея была рождена в античности. Она никак не связана с некоей логикой развертывания развитого целого, как в первом типе. В этом смысле А.Ф. Лосев говорил, что древние греки не знали истории. Они не знали идеи истории. Эту идею позже ввел Августин вслед за идеей Времени [2].

В таком случае человек действует как оформитель, по образцу Бога-демиурга, творца. Ему, человеку, приписывается функция оформителя. И сами формочки он берет из божественной мастерской.

В таком концепте развития будущее уже представлено. Оно заложено в божественной воле творца, конкретнее, в готовых формах, которые хранятся в памяти культуры. То есть будущее опять же сокрыто в прошлом. Оно уже записано. Сами изменения, которые происходят в будущем с новыми поколениями, уже расписаны. Будущее уже предзадано, предписано, как судьба. Для греков судьба – посильнее, чем олимпийские боги.

Концепт третий. Развитие как овладение и освоение.

В первом и втором концепте сам человек пока не осмыслялся как тот, который наделен самостоятельной волей и выбором. Он еще не представлен как субъект. Он не является носителем идеи развития.

Идея субъектности вводится собственно лишь в этом третьем концепте развития, а не в первом и тем более не во втором. В первом концепте человек плетется за природой и задним числом познает феномен развития, восстанавливая его в своем мышлении (логически повторяет историческое). Во втором концепте человек вообще берет готовые формочки и накладывает их на стихийный сырой материал.

В контексте воспитания и образования он сам является таким же материалом. Воспитатель, родитель, педагог накладывает на ребенка готовые формочки и лепит из него нужного человека с нужными качествами.

Субъектность появляется в третьем концепте, когда допускается самостоятельность человека, способность его нести в себе феномен развития. Последний же воплощается в акте овладения человеком некоей внешней, предзаданной, извне существующей формы жизни и культуры. На этом строится вся психология развития. Извне дана культурная форма, человек берет ее как чужую, овладевает ею и делает своей.

Л.С. Выготский фактически соединил выше названные три концепта. Человек проходит интериоризацию, переживая развитие высшей психической функции дважды – сначала в виде внешней социальной функции, потом в виде внутренней психической.

Его ученики добавили к этому идею носителя этой функции и формы – взрослого-посредника. Д.Б. Эльконин и Б.Д. Эльконин развивают идею психологии развития как идею подражания ребенком совершенному взрослому, носителю культурной формы и одновременно оформителю мира. Ребенок идет вслед за ним. В этом смысле его субъектность тоже формуется. Она связана с окультуриванием поведения со стороны культурного взрослого¹ [9].

В этом концепте развития будущее связано с усилием и волеием этого индивида, который овладевает культурной формой. Будущее сокрыто и предопределено тем, что этот индивид желает сейчас и что он переживает сейчас как недостаток чего-то в будущем. Но это будущее переживается сейчас, причем как то, чего не хватает. Потому субъект и стремится в будущее через освоение, овладение, преодоление. Здесь будущее связано с усилием, волеием, субъектным действием.

Тем самым будущее здесь большей частью представлено здесь-и-теперь, в настоящем, в том, что испытывается индивидом как недостаток, испытываемый сейчас. С этим испытанием и переживанием и связан сам акт по овладению. Иначе энергетика овладения не возникнет. Необходима неудовлетворенность, испытание желания чего-то того, чего не имеешь сейчас. Причем необходимо переживание «одушевляющего недостатка» (О. Мандельштам), того, который стимулирует и порождает в индивиде субъекта,

¹ Смирнов С.А. Культурный возраст человека. Философское введение в психологию развития. Новосибирск: Офсет, 2001.

т.е. актанта, актора, совершающего действие по овладению, и в этом самом действии и проявляющегося. Закончилось действие – и закончилась субъектность. Она живет в самом акте, и нигде иначе. Этим принципиально отличается этот концепт от первых двух. В них развитие уготовано, заложено, записано, равно как и будущее.

Здесь же развитие переживается в акте овладения. Само развитие переживается как акт. И само будущее осмысливается в метафорах переживания, освоения и овладения.

Насколько будет ясным и предметным осознание акта овладения, настолько будет ясным и предметным представление о будущем.

Концепт четвертый. Развитие как проектирование.

В рамках данного концепта под развитием имеется в виду изменение в сторону более идеального результата, положенного как некий проект, некое будущее состояние самого проектировщика, субъекта развития.

Этот концепт фактически есть модификация и продолжение предыдущего концепта. Базовой единицей здесь выступает проект, который есть не что иное, как представление о себе, субъекте-проектировщике, как о более полном, идеальном.

Само проектирование родилось в недрах представлений о стремлении добиться человеком более полного, цельного состояния. Это связано с представлением о цели и целом. Цель как представление о целом (telos) и есть ядро проекта. Человек проектирует себя, свое состояние, в будущем, более совершенное, чем сейчас, переживая тот самый «одушевляющий недостаток», переживая себя неполного, нецелого, нецелостного.

В этом плане проектирование, прожектерство как идея рождается, развивается, в лоне второго и третьего концептов, допускающих идею демиургии и творчества со стороны человека. Человеку приписываются качества творца, который может и должен овладевать миром, проектируя его под свои состояния. И он никогда не будет удовлетворен своим настоящим состоянием, своим настоящим положением в мире. Мир целиком и полностью переподчиняется творцу-человеку. Он проектируется по образу и подобию человеческому.

В этой связи кажется, что будущее в этом концепте пребывает именно как будущее. Но представление о нем, которое закладывается в проект, связано с недостатком, которое переживается в прошлом и настоящем. Будущее связано с преодолением разрывов, которые наличны в настоящем и представлены как проблемы, которые надо решить. Сам проект и рождается как желание преодолеть разрывы и стать более полным и совершенным и цельным. Будущее поэтому есть представление о себе как о более цельном, чем сейчас. В пределе будущее здесь представлено как идея совершенства и целостности, целого.

Исторически это и была первая онтологическая идея – идея совершенного целого, т.е. идея бытия или идея Блага.

В таком случае будущее уже заложено опять в прошлом как представление о Едином Бытии, Благе, к которому всякий раз стремится человек, испытывающий онтологический недостаток бытийной несостоятельности.

Концепт пятый. Развитие как раздвигание горизонта в ситуации перехода.

В этом пятом конструкте развитие связано с принципиально иной онтологической, культурной ситуацией перехода. Когда все субъекты развития, все индивиды, человек по принципу, желающий и проектирующий свое будущее, находится в ситуации перехода. Когда все люди попадают в ситуацию пограничья и все средства, все привычные техники и практики обесмысливаются. И поэтому любой вариант, наработанный в культуре, любая культурная форма, любой сценарий выхода из кризиса в принципе проблематичен.

В этой ситуации развитие мыслится как поиск ответа на вызов. Причем на онтологический вызов («зов бытия» у М. Хайдеггера). И никто не знает, будет ли найден ответ, причем адекватный ответ на вызов.

Пожалуй, только в этом концепте будущее предстает как действительное будущее, не заложенное в прошлом и настоящем, а действительно представленное как принципиально открытый вопрос, не имеющий готового ответа. Будущее в таком случае и есть тот ответ на вызов, который никто не знает.

В этом плане нет по определению нигде носителя образца, нет носителя формы, нет вообще носителя какого-то опыта принятия вызова, преодоления перехода. Вся ситуация в принципе проблематична и открыта. Это и есть ситуация онтологического перехода, означающего раздвигание онтологического горизонта. В ней нет ни готовых субъектов перехода, ни арсенала наработанных средств перехода. И нет готовых представлений о том, что там, на том берегу, после перехода.

В таком случае будущее здесь представлено как ответ на вызов. В ситуации раздвигания горизонта, в ситуации онтологического перехода, когда меняется культурное задание, будущее не может быть в принципе увидено. Оно может лишь нащупываться коллективными усилиями всех, находящихся в принципиально одинаковой для всех, открытой, пограничной ситуации. Все стоят на границе. И все ищут ответ. Нет носителей ответа. Нет носителей образца. Точнее, они есть, но в этих ответах и образцах скрыт прошлый опыт, опыт допереходный.

Такая ситуация онтологического перехода наступает именно сейчас. И именно в этой ситуации актуализируются идеи поиска Другого, поиска иного ответа, поиска принципиально иного способа бытия человека.

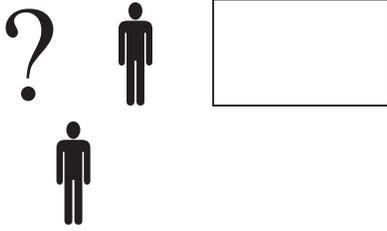
Это происходит в ситуации смены онтологической, культурной, психологической, этнической идентичности. В ситуации утери себя, собственной самости.

Способы схватывания будущего. Теперь попробуем представить будущее через предъявление его как некоего образа будущего и через предъявление неких практик работы с этим образом.

Иначе говоря, какими могут быть способы представленности будущего, способы его схватывания?

То есть речь идет уже не просто о неких концептах развития, а о связи будущего с субъектом, представляющим это будущее. Тем самым необходимо всякий раз фиксировать тот способ, каким он (субъект) полагает перед собой будущее.

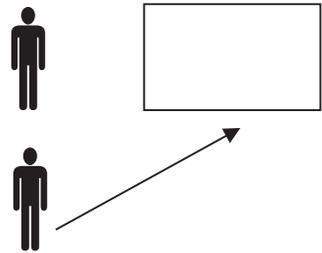
Изначально представим себе, что будущее во всех случаях должно быть представлено как мое иное, положенное вне меня.

Первый способ. Будущее выкладывается вне меня как некий Я, идеальный, измененный, положенный отдельно от меня. Но я не знаю способа, как до него добраться. В этом случае будущее есть мечта, фантазия.

Тот образ будущего своего состояния, который я себе представляю, отделен от меня. У меня нет представления о том, как до него дойти. И нет средств, нет ресурсов. Но есть некий образ, не всегда ясный и отчетливый.

Способ второй. Здесь будущее выкладывается как такое идеальное состояние Я, до которого я знаю, как дойти. Но у меня нет средств, чтобы построить способ пути. Меня самого нет там, в этом пути.

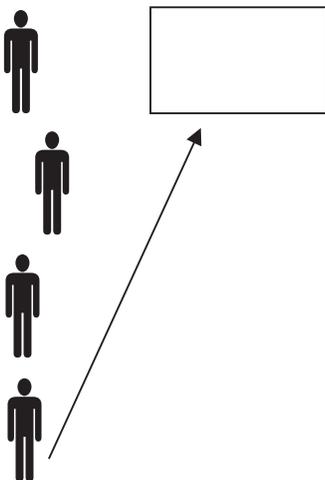
Тем самым, несмотря на то, что я могу представить движение к себе идеальному, вне меня положенному, но я сам себя в этот план не вставил, сам не встал на переход.

Способ третий. Здесь представлен не только мой образ будущего, не только способ движения к нему, но и я сам, по этому пути идущий, я, находящийся и вырабатывающий средства и способы движения по этому пути. То есть, я знаю и то, как встать на переход.

И всякий раз я вынужден делать как бы шаг назад, рефлексивный оборот, чтобы встать на переход, начать вырабатывать средства перехода.

То есть, чтобы встать в будущее, надо сделать шаг в прошлое, к себе. Чтобы сделать шаг вперед, надо сделать шаг назад, сугубо рефлексивный.

В этом плане способы схватывания будущего зависят от того, насколько глубоко и предметно я осуществляю рефлексивный откат к себе. Иными словами, чем яснее и честнее я буду представлять себе свое настоящее, тем яснее я смогу представить свое будущее.

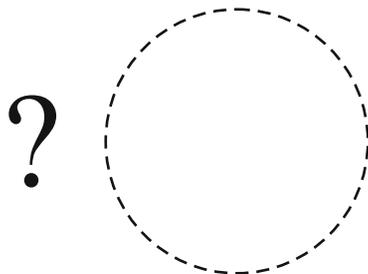
И всякий раз, чем сильнее я хочу выйти в будущее, тем сильнее и глубже я должен сделать рефлексивный откат.

Итак, в это будущее включен и сам субъект изменений, проектирующий это будущее. Он видит это будущее и себя, делающего шаги в это будущее.

Я как субъект, движущийся к будущему, к себе иному, вне меня положенному, чтобы ухватывать и понимать шаги движения, должен делать при этом каждый раз рефлексивные шаги назад, чтобы обращаться вперед.

Итак, судя по всему, будущее может быть более предметно представлено лишь в третьем варианте.

Но все начинается с идеального Я, которое кладется передо мной. Но откуда оно? Где оно берется? Если не будет положено идеальное состояние как мое иное, то это пространство в квадратике будущего будут пустым. Можно ли понимать будущее как некое вообще пустое, не представленное предметно пространство, границы которого прерывисты и пунктирны?

В таком случае это абсолютное Ничто. А Ничто как будущее есть по нашим привычным представлениям конец, смерть. Может ли быть Ничто содержательным, конструктивным, зиждательным началом новой жизни? Мы не привыкли так думать.

Итак, какие выводы? Есть ли будущее? Можно ли к нему приставлять онтологическую приставку «есть»?

Пока мы привыкли представлять будущее только в связке с настоящим и прошлым. Более того. Будущего нет онтологически. В том смысле, что его нет в бытии. Оно всякий раз условно, трудно представимо и проблематично.

По той простой причине, что никакой субъект не может стать совершенным, абсолютно цельным. С этим связано представление о Боге как о совершенстве. Человек не может быть «трансгredientным цельным» (Бахтин), удерживающим в себе всю полноту бытия. Он всякий раз будет конечным и предельным. И всякий раз будет доставать средства по работе с будущим из своего предельного, ошибочного, конечного, субъективного опыта прошлого.

Будущего нет. Есть всегда изменения, происходящие здесь-и-теперь в настоящем. Субъект развития, или скажем мягче – агент изменений, в лучшем случае, совершая шаг развития, или акт изменений, является частью меняющейся ситуации целого. И он всякий раз будет опаздывать от ситуации, от акта изменений, ибо осознание изменения, а значит факт изменений, может быть уловлен в акте рефлексии. Не будет осознания – не будет изменений. Точнее, не будет изменений с ним, если он не будет их ухватывать, фиксировать и класть как арсенал нового опыта в свою память. Акт изменений, осуществленный в настоящем, осознается уже в прошлом. В момент рефлексивной фиксации изменений я и переживаю будущее, ибо оно – то новое, что наращивает мой опыт, и я становлюсь другим, нежели вчера. В этом плане мое будущее сразу попадает в прошлое.

В этом плане мы есть (именно есть) всегда в прошлом, в лучшем случае в настоящем. Но никогда в будущем.

Итак, тот опыт, который расширяет мой предел и заставляет меняться, и есть мое будущее. И его я фиксирую в акте изменения. И он остается уже в прошлом, в моей памяти.

Таким образом, есть лишь настоящее. Онтологически есть. Прошлое пребывает в памяти. Будущее представляется в проектах и образах. Какое будущее есть (именно есть), никто не знает. Будущего еще нет. Прошлого уже нет. Онтологическая приставка есть к ним не применима.

В этом смысле управлять будущим, выстраивать некое будущее можно лишь из настоящего, моего пребывания и переживания моего здесь-и-теперь, моего «самочувствования».

Кейсы. Какие есть эмпирические примеры работы с образами будущего? В качестве прецедентов и примеров возьмем наиболее типичные и привычные.

Пример геополитический. Все колониальные империи развивались по принципу навязывания метрополией образов будущего для своих колоний. Колония берет представления о будущем и ресурсы развития у метрополии. Именно берет как готовое. Готовое, но чужое, не выращенное у себя внутри, от своего настоящего. Центр порождения образцов находится в метрополии. Так оформляется геополитический центр развития. Например, когда Европа и США предлагают свои образцы для развития, свои цивилизационные модели развития для стран Азии и Африки.

В таком случае Африка, Афганистан, Ирак всегда будут отставать и быть детьми по отношению к взрослым западным странам. Развитые страны фактически предлагают своим младшим коллегам свой прошлый опыт. Хотя для Афганистана это опыт будущего, но чужого.

Пример педагогический. В отношениях отцов и детей доминирует такой же сценарий. Родители демонстрируют детям свои образцы жизни. Дети должны брать эти образцы, и через подражание образцам строить свое развитие. Здесь рождаются все конфликты поколений, поскольку формы, взятые у одного поколения, предъявляются другому поколению как образцы для подражания.

В принципе вся массовая школа строится по этой схеме. Школа работает с прошлым. Никакие образцы будущего она не строит и не учит строить. Никакая училка не будет этого делать, поскольку она сама – комок нервов и стрессов. Она боится будущего.

Но как только учитель начнет пытаться работать с будущим, то его завтра уволят. Поскольку он вынужден будет вводить режим развития в обучение. Он вынужден будет менять программы обучения, всякий раз находиться в ситуации неопределенности, учиться вместе со своими учениками проектировать. А это бомба для школы. Учителя к этому в целом не готовы.

А поэтому школа всегда будет отставать. И мы всегда будем готовить выпускников, уже отставших от жизни, всякий раз догоняющих, поскольку в модели конвейера, в модели массовой средней и высшей школы нет места практикам работы с будущим.

Пример цивилизационный. Отношения Запада и России. Развитые страны Запада при всей их лояльности и политкорректности все же навязывают России свой цивилизационный сценарий развития. Россия берет, именно берет будущее как готовый сценарий у стран Запада.

В этом плане Чаадаев до сих пор прав. У России до сих пор нет своей истории. Она носит пиджак с чужого плеча. Она берет цивилизационный образец развития у Европы и США. Берет в очередной раз. И в очередной

раз примеривает этот пиджак на себя. А коль скоро он чужой, то модернизация по западному образцу проходит через большие жертвы.

В данном случае развитие строится именно как модернизация, как подгонка живого сырого материала под готовую чужую форму.

Форсайт как способ работы с образами будущего. В мире давно известна теория и практика форсайта как способ работы с будущим, точнее с образами будущего. Эта методология описана и осуществляется в разных версиях² [1, 7, 8, 10]. Но некие общие требования к форсайту сформулированы, они отличаются от чистого прогноза.

Во-первых, насколько картина форсайта есть абрис продолжения современных тенденций, он, конечно, совпадает с прогнозом. Однако здесь есть отличие, состоящее в том, что эти тенденции берутся в качестве реализации принятых до настоящего момента решений. В этом случае речь идет не об экстраполяции на основе видимых линейных направляющих, но о многомерном процессе, укорененном в прошлом и управляемом в настоящем.

Во-вторых, форсайт предполагает альтернативность развития, иначе говоря, вместо однолинейной картины он предполагает ветвистую структуру, где будущее выступает не жестко определенным, а лишь в той или иной степени вероятным. Больше того, человек работает на то будущее, которое представляется ему наиболее желательным, но в то же время осознает власть других факторов, которые приобретают разную значимость на разных этапах движения. Отсюда третье.

В-третьих, форсайт предполагает учет интересов разных социальных групп. Это, в свою очередь, значит, что в качестве экспертов должны выступить не только специалисты в области, для которой предполагается проведение форсайта, но гораздо более широкий круг людей – специалистов (экспертов в своих областях). Стало очевидно, что нельзя полагаться лишь на мнения экспертов-ученых. Это связано с тем, что реализуемые решения (как это отмечалось в первом пункте) касаются далеко не только и не столько ученых. Но это же означает, что необходимо организовывать согласование их мнений с учетом их партикулярных интересов. Соответственно меняются методики и иначе учитываются риски.

Отсюда вытекает, в-четвертых, что форсайт должен корректироваться по мере движения во времени. Означает ли это, что дорожная карта – построенный и рассчитанный сценарий – был неверен? Нет, это лишь означает, что в процессе движения отпадают определенные альтернативы, но зато другие в результате этого оказываются сбалансированными по-другому. Поэтому необходимо постоянно держать руку на пульсе.

В-пятых, (и это вытекает из предшествующего) идет постоянное «зондирование будущего». Способы этого зондирования заложены в методиках форсайта (поскольку те позволяют проводить дополнительные перекрестные опросы) и существенным образом зависят от горизонта, до которого построены дорожные карты. Необходимость зондирования подчеркивает принципиальную открытость результатов форсайта.

² Мировые форсайты. Обзор [Электронный ресурс]. URL: <http://futureview.ru/ru/foresight>

Таким образом, наиболее важным отличием форсайта от других видов прогнозирования является то, что он оказывается рабочим инструментом, помогающим двигаться в определенном направлении, а не указанием на достижимые или достигаемые цели. Дорожная карта, в этом случае, выступает не как жестко намеченный путь, но как путь с множественными ветвлениями и, соответственно, для движения по нему требуется корректируемый по мере движения сценарий.

Команда форсайта как точка кристаллизации. Сказанное про форсайт заставляет определенным образом охарактеризовать команду, организующую соответствующее исследование. В дополнение к обычным требованиям она должна обладать чертами, обычно фиксируемыми в английском как 5C (commitment (вовлеченность, приверженность), communication (общение), concentration on the long term (концентрация на долгосрочности), coordination (координация), consensus (согласие, настроенность на компромисс)). Изначально команда выступает лишь в качестве точки роста определенной социальной сети, связывающей экспертов и других участников коммуникативного процесса. В этом случае может быть достигнута широкая картина, исключая односторонность видения, характерная для любых замкнутых сообществ.

Разумеется, размеры формируемой сети определяются масштабом проблемы, задаваемым горизонтом видения и возможностями команды. И здесь команде принадлежит ключевая роль. Она оказывается точкой кристаллизации, вокруг которой по определенным направлениям, как по магнитным силовым линиям, наращиваются вовлекаемые участники. Именно команда определяет фокус форсайта, и если он определен правильно и интересно, то сеть плетется свободно и многонаправленно. Если же этот фокус сформулирован искусственно, то образующаяся сеть будет в разрывах, и результат форсайта окажется фактически неverifiedируемым.

Верстак форсайтера. На фоне этих требований и принципов форсайта выделяется особая работа – анализ и прогноз трендов. Насколько точным может быть работа форсайтера с трендами и сценариями развития? Как избежать неточности и условности разговора? При условии, что линейный подход, как уже известно, к форсайту не применим. Будущее многовекторно, многосценарно и вероятно. А потому проработанные компьютерные модели, в которых на основе прошлых достижений прогнозируется некий сценарий – такой подход уже не может быть адекватным при работе с образами будущего.

Тем более если речь идет о социально-гуманитарной сфере, о будущем человека, о развитии обществ [5, 6]. Если развитие технологий, инженерий еще можно как-то более точно спрогнозировать, то как можно понять и какую дорожную карту выстроить относительно будущего главного агента изменений – самого человека? Какие можно и как выделить антропологические тренды?

Что определяет развитие человека на современном этапе? Обсуждение тех факторов, которые определяют развитие современного человека, может вестись в нескольких аспектах, которые пересекаются между собой.

Во-первых, речь может идти в общем виде в рамках философской антропологии, которая появляется и получает свое развитие только в XX веке.

Именно в это время развиваются два направления в познании человека – биологическое и функциональное. Можно идти от надживотной сущности человека к его жизни в обществе. Можно двигаться к постижению человека через его функциональные проявления. В любом случае, трансформация общества определяет переходное состояние человека и наоборот.

Во-вторых, свою лепту в постижение трансформации человека как вида вносят этологи и палеонтологи. В частности, ряд открытий в области археологии палеолита показывает множественность линий развития.

В-третьих, учитывая два первых направления анализа как фон, на котором разворачиваются серии конкретных и резко убыстряющихся изменений, следует выявить те сферы, где характер переходных изменений ощущается в наиболее остром виде.

В связи с урбанизацией, а также появлением и распространением современных средств коммуникации происходят существенные изменения в характере организации общества: меняется способ формирования семьи, уход от патриархальности, от трехпоколенности, радикально трансформируется характер отношений внутри семьи, не говоря уже просто о ценности семьи как социального института.

Развитие общества по западноевропейскому типу ведет к явлению, известному как изоляционизм. Это следующий этап либеральной идеологии и практики, идущий за индивидуализмом.

Радикально меняется система образования: если раньше она относилась к молодому поколению, то постепенно она охватывает все более и более старшие поколения, выстраиваясь как непрерывное образование на протяжении практически всей жизни.

Новые возможности в способах организации производства (которое может быть перенесено едва ли не в любую точку мира) и резко расширившиеся возможности миграции населения ведут к изменению роли национальных государств, а также новым формам взаимодействия культур.

Соответственно, меняется культура: нормы и ценности, характерные для индустриального общества, сменяются нормами и ценностями общества постиндустриального и информационного.

Наряду с изменениями, характерными для социума в целом, необходимо иметь в виду радикальные изменения среды, в которой находится и функционирует отдельный человек.

Здесь следует отметить то, что все большее значение в жизни человека приобретают искусственные материалы, искусственная среда обитания, продукты, произведенные, хранимые и транспортируемые с использованием эффективных, но далеко не всегда правильно оцениваемых по долгосрочному воздействию на физиологию человека способов.

Благодаря последним научным достижениям человек получил уникальную возможность выбирать не только цвет волос, но и форму тела, пол, секс кардинально отделился от деторождения.

Трансформировалась «домашняя» информационная составляющая. Каждый может формировать свою единственную информационно-музыкальную среду, отключаясь от внешних воздействий, проводить время в виртуальных играх.

Внешняя информационная составляющая, включая мобильную телефонную связь, рекламу, небывалую возможность выбора в магазинах, заставляет человека постоянно реагировать на вызовы среды.

Названные факторы безусловно работают в определенных направлениях, меняя способы взаимодействия человека со средой, друг с другом, а также с самим собой. В то же время неясно, куда движется человек как вид, какие тренды определяют это движение. Должны ли мы исходить из существующих практик в оценке трендов или, учитывая их постоянную трансформацию, опираться на наше понимание неких практик будущего?

Литература

1. Инфраструктуры развития человека. Форсайт-проект «Детство 2030» // Человек.RU. Гуманитарный альманах. Новосибирск: НГУЭУ, 2009. № 5. С.293–323.
2. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1977. 208 с.
3. Свасьян К.А. Гете. М.: Мысль, 1989. 191 с.
4. Свасьян К.А. Проблема символа в современной философии. Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж им. И.А. Бодуэна дэ Куртенэ, 2000. 224 с.
5. Смирнов С.А. Человек после человека. Антропологический форсайт // Вестник НГУЭУ. 2012. № 1. С. 88–104.
6. Смирнов С.А. Новые идентичности человека: анализ и прогноз антропологических трендов. Антропологический форсайт // Вестник НГУЭУ. 2013. № 1. С. 216–241.
7. Переслегин С.Б. Новые карты будущего или Анти-Рэнд. М.: АСТ: АСТ МОСКВА; СПб.: Terra Fantastica, 2009. 701 с.
8. Форсайт проект «Развитие человеческого капитала для региона инноваций» // Человек.RU. Гуманитарный альманах. Новосибирск: НГУЭУ, 2010. № 6. С. 241–275.
9. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского). М.: Тривола, 1994. 168 с.
10. UNIDO FORESIGHT TECHNOLOGY MANUAL. Organization and Methods. Volume 1, 2. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.unido.org/index.php?id=o5216>

Bibliography

1. Infrastruktury razvitija cheloveka. Forsajt-proekt «Detstvo 2030» // Chelovek.RU. Gumanitarnyj al'manah. Novosibirsk: NGUJeU, 2009. № 5. P. 293–323.
2. Losev A.F. Antichnaja filosofija istorii. M.: Nauka, 1977. 208 p.
3. Svas'jan K.A. Gete. M.: Mysl', 1989. 191 p.
4. Svas'jan K.A. Problema simvola v sovremennoj filosofii. Blagoveshhensk: Blagoveshhenskij gumanitarnyj kolledzh im. I.A. Bodujena dje Kurtenje, 2000. 224 p.
5. Smirnov S.A. Chelovek posle cheloveka. Antropologicheskij forsajt // Vestnik NGUJeU. 2012. № 1. P. 88–104.
6. Smirnov S.A. Novye identichnosti cheloveka: analiz i prognoz antropologicheskikh trendov. Antropologicheskij forsajt // Vestnik NGUJeU. 2013. № 1. P. 216–241.
7. Pereslegin S.B. Novye karty budushhego ili Anti-Rjend. M.: AST: AST MOSKVA, SPb.: Terra Fantastica, 2009. 701 p.
8. Forsajt proekt «Razvitie chelovecheskogo kapitala dlja regiona innovacij» // Chelovek.RU. Gumanitarnyj al'manah. Novosibirsk: NGUJeU, 2010. № 6. P. 241–275.
9. Jel'konin B.D. Vvedenie v psihologiju razvitija (v tradicii kul'turno-istoricheskoi teorii L.S. Vygotskogo). M.: Trivola, 1994. 168 p.
10. UNIDO FORESIGHT TECHNOLOGY MANUAL. Organization and Methods. Volume 1, 2. [Elektronnyj resurs]. URL:<http://www.unido.org/index.php?id=o5216>